

Письмо в редакцию

ЕЩЕ РАЗ О КРУЦИНЕ. ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННОГО

История круцина и связанных с этим препаратом драматических событий известна мне не понаслышке. В памяти возникают отдельные картины моей школьной и студенческой юности.

Помню, как в один из вечеров 1945 г. (более точную дату я привести не могу) мой отец, известный терапевт-кардиолог, академик-секретарь Отделения клинической медицины Академии медицинских наук, вернувшись домой с заседания Президиума АМН, с волнением рассказал о том, что он только что прослушал очень интересный доклад о лечении рака с помощью нового биологического препарата и что появились реальные надежды на излечение этого страшного недуга.

Следующее воспоминание относится уже к лету 1946 г., когда я со своими родителями отдыхал на Рижском взморье вместе с семьей В. В. Парина. Это было после его зарубежной поездки — большой редкости в те времена. Мне приходилось почти ежедневно видеть этого молодого, стройного, доброжелательного, может быть, чуть слишком самоуверенного организатора советской медицинской науки.

Наступившей зимой пошли зловещие слухи об аресте Парина, передаче им за границу национального секрета — в общем, о том, что позже стало сюжетом кинофильмов и театральных постановок и приобрело известность. И как апофеоз — начались «суды чести».

В архиве моей семьи сохранился пригласительный билет-пропуск на заседание «суда чести» в Министерство здравоохранения СССР, выписанный на имя моего отца. Суд продолжался два дня, но талон пропуска на второй день не был использован. Отец нашел какой-то предлог для того, чтобы не присутствовать на этом тягостном мероприятии и не выслушивать ритуальные, предусмотренные сценарием речи общественных, а в действительности назначенных руководящими органами, обвинителей.

Следующим летом, опять на Рижском взморье, мне довелось общаться с другим участником этой драмы, известным хирургом, академиком АМН П. А. Куприяновым. Куприянов, выступавший на «суде чести» в качестве общественного обвинителя, не уклонялся от обсуждения этого эпизода своей жизни. Отчетливо помню его рассказ о том, как он вначале сомневался в материалах обвинения, но изменил свое мнение, когда ему были представлены письменные «признания» В. В. Парина в шпионской деятельности и продаже за границу секретной работы Ключевой и Роскина ...

Последующие годы, перемены в личной жизни (окончание школы и поступление в институт) и драматические события в жизни страны (разгром генетики и физиологии, смерть Сталина и «хрущевская оттепель») и моей семьи (арест и реабилитация отца по «делу врачей») постепенно перенесли историю «круцинового дела» в дальние кладовые моей долговременной памяти.

Жизнь непосредственно столкнула меня с проблемой круцина в середине 60-х гг., когда мать моей сотрудницы по лаборатории в Институте молекулярной биологии АН СССР заболела раком и ей посоветовали использовать лечение круцином. Вместе с другими сотрудниками лаборатории мы были свидетелями драматической смены надежды на разочарование и в конце концов кончины пациентки. Я нашел знакомых, работавших в институте, производившем круцин, и узнал много фактов, свидетельствующих о сложности процесса производства этого препарата, его нестабильности и неопределенности получаемых результатов.

Статья профессора Я. Л. Раппопорта в журнале «Наука и жизнь» 1988 г., казалось бы, поставила точку на проблеме круцина как медицинского препарата. Однако публикации газеты «Известия» (1996 г.) и журнала «Вопросы истории естествознания и техники» (2000 г.) вновь возвратили нас к этому вопросу, к его политической и научной истории.

В статье Е. Левиной приведены многие неизвестные мне факты этой драматической саги. Особенно интересны подробности подготовки этого политического мини-процесса и сведения о тщательном контроле партийных органов за его проведением. Узнал я и многие неизвестные мне факты, касающиеся научно-медицинской истории круцина. В частности о том, что похожий препарат из трипаномы в течение некоторого времени выпускала французская фирма, ныне существующая и носящая название «Пастер-Мерье-Кэннот». А также и то, что в нашей стране исследования круцина продолжают до настоящего времени.

Из дискуссии, развернувшейся на страницах журнала (№ 1 и 3 за 2000 г. Левина и Каллиникова), стало очевидным существование двух точек зрения на пути дальнейшей разработки проблемы круцина: выявление строго установленной с химической точки зрения природы действующего начала препарата и, как альтернатива этому, усовершенствование процессов получения клеточных экстрактов круцина и поиск оптимальных приемов их использования в противораковой терапии.

Мне как клеточному и молекулярному биологу, ученику В. А. Энгельгардта, заведомо предпочтительным представляется первый подход, требующий интенсивных физико-химических исследований с использованием новейших методов молекулярной биологии и геномики и, желательно широкой кооперации, в том числе международной.

Однако было бы неразумным отрицать возможность использования и второго, преимущественно биологического, подхода. Хочется пожелать успехов авторам, избравшим этот путь для своих исследований.

Во всяком случае, проведенная дискуссия, несмотря на ее местами избыточно эмоциональный характер, может оказаться полезной, так как будет способствовать привлечению внимания к проблеме круцина лиц, ранее ею серьезно не интересовавшихся. Примером сего является заметка автора этих строк.

А. В. Зеленин

ОТВЕТ НА ПИСЬМО В. Д. КАЛЛИНИКОВОЙ

В редакцию поступило письмо В. Д. Каллиниковой (ВИЕТ. 2000. № 3). В связи с этим я считаю необходимым дать пояснения к замечаниям автора письма по поводу моей статьи в первом номере ВИЕТ за 2000 г. «Круцин имеет свою судьбу...» (экспериментальная биология в онкологии: история и современность).

До настоящего времени в обсуждении истории этого исследования и общественно-политических обстоятельств, с ним связанных, было принято рассматривать проблему исключительно с позиции историко-политической и личной драмы ученых, переживших «суд чести» в 1947 г. Однако для истории науки важны не столько социальные аспекты исследовательской деятельности, сколько ее содержание. Мое